УДК 801.8 + 316.74:81

В. Г. Богомяков

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТО-ПОЭТИК: НОВЫЕ ИПОСТАСИ ПОЭТИЧЕСКОГО

Статья посвящена формированию новых поэтик, рассматривающих поэтическую деятельность вне рамок собственно поэтического текста. Сравнение позиций Аристотеля и М. Хайдеггера показывает отход от принципа мимесиса: поэзия больше не подражает реальности, она претендует на креацию оснований человеческого мира, на конструирование новых реальностей. Формируется новая разновидность поэтической деятельности, которая становится социальным действием и социальным взаимодействием. В этом контексте в статье рассматриваются геопоэтика, цифровая поэтика, зоопоэтика, коммуникационная поэтика.

Ключевые слова: новые поэтики, геопоэтика, цифровая поэтика, зоопоэтика, коммуникационная поэтика.

Эта статья написана с позиций протеизма, предложенной М. Н. Эпштейном гуманитарной методологии, используемой для исследования феноменов культуры, находящихся в состоянии становления. Протеизм изучает возникающие явления с позиций поссибилизма, рассматривает их в той стадии, когда они больше предвещают и знаменуют, чем бытуют [15]. Такой подход представляется оправданным в случае прогностического описания новых арт-практик и арт-поэтик, поскольку эти описания обречены на эскизность и предварительность. От такого подхода трудно ожидать необходимой концептуализации или даже первичной теоретической организации материала. Однако в данном случае мурмуринг [3, *19*], который становится языком исследования, это не просто свидетельство недостаточной проработанности и осмысленности эмпирического материала, но попытка вслушаться в бурление самой жизни, пока оно еще не затвердело и не сформировалось в четкие научные и философские понятия.

Для философии и современной науки, безусловно, очень важной будет оставаться сфера взаимодействия искусства и жизни. Здесь можно проследить тенденцию размывания границ искусства и жизни, установления между ними все более сложных разновидностей коммуникации (авангард, неоавангард, постмодернизм). Это можно рассматривать как продолжение в новых условиях теургических практик, смысл которых состоит в том, чтобы выйти за пределы искусства для изменения мира и жизни людей соответственно эстетическим законам [2]. Можно также упомянуть так называемый тотальный дизайн (или нон-дизайн), с которым связывают новую экспансию эстетического начала в повседневную жизнь в конце XX в., что обусловлено расширением традиционной сферы дизайна, увеличением числа его социальных функций, превращение его в своего рода технологию организации жизни [6]. Данная тенденция, по нашему мнению, прослеживается и в процессе формирования новых поэтик, стремящихся рассматривать поэтическую деятельность вне рамок собственно поэтического текста.

© Богомяков В. Г., 2018

Здесь вновь можно сослаться на М. Н. Эпштейна, полагающего, что поэтический вектор цивилизации связан с поэзией за пределами стихов [16, *365*]. Автор предлагает называть эти новые поэтики «прото-поэтиками» (прото — часть сложных слов, указывающая на первичность), поскольку они еще только формируются и некоторые из них предстают перед исследователем пока еще в качестве неких прекрасных возможностей, которые могут быть реализованы. Важно подчеркнуть, что речь в данном случае идет именно о «поэтиках», а не, скажем, о пойезисе, поскольку пойезис традиционно понимался более широко: его целью является создание ранее отсутствовавшего. В случае же с «прото-поэтиками» речь идет именно о поэзии, начавшей осваивать новые территории.

Следует сказать, чем «прото-поэтики» отличаются от обычных поэтик. В современной исследовательской литературе термин «поэтика» употребляется в широком и узком смысле, но всегда речь идет о тексте. В «прото-поэтиках» речь может идти не только о тексте, но и об иных формах поэтического высказывания. Поэтики предполагают выделение и систематизацию элементов текста, участвующих в формировании эстетического впечатления от произведения. «Прото-поэтики», в силу названных особенностей, не могут выступать в качестве строгой системы; иногда в той или иной «прото-поэтике» могут сосуществовать совершенно различные (иногда даже полярные) понимания того или иного направления. «Прото-поэтики» зачастую начинают формироваться вокруг удачного термина, который оказывает эвристическое и стимулирующее воздействие, что приводит к образованию облака терминов, смыслов, ассоциаций и коннотаций.

На протяжении веков люди задумывались о сущности поэзии и ее назначении в обществе. Один из первых ответов на этот вопрос дает Аристотель в своей «Поэтике». Он считает, что цель искусства — удовольствие. По Аристотелю, совершенно любое искусство (что авлетика, что кифаристика) основано на мимесисе. Это справедливо и по отношению к поэзии: человек с детства способен подражать окружающему, но в случае с поэзией это подражание доставляет человеку особое удовольствие. Для Аристотеля существуют две ипостаси поэтического — комедия и трагедия [1]. Один из последних по времени ответов на вопрос о сущности поэзии дает работа М. Хайдеггера «Гельдерлин и сущность поэзии». М. Хайдеггер выдвигает несколько положений в своей работе. Во-первых, поэзия есть прорыв мыслью в центр бытия и несущая основа Истории. Во-вторых, поэзия есть установление бытия посредством слова. В-третьих, говорит М. Хайдеггер, мы — это разговор. В-четвертых, поэзия — «опаснейшее имущество», так как, будучи по сути своей подлинным говорением, она в то же самое время подвергает опасности эту свою суть, заслоняя сокровенное мелким и обыденным. В-пятых, поэзия — это невиннейшее из всех занятий; она, являясь по сути дела игрой, безобидна и безрезультатна [13].

Несмотря на то что со времен М. Хайдеггера поэтическая деятельность претерпела сильные изменения, философ высказывает, как мы считаем, несколько принципиально важных положений. Поэзия действительно есть прорыв в центр бытия. Поэзия тяготеет к пространствам и стихиям, но ей всегда оказывается мало окружающего мира и она стремится идти за его пределы. Поэзия, по сути дела,

есть опыт невозможного, опыт постижения неведомых миров, опыт говорения на невозможных языках. Н. А. Бердяев в свое время писал, что творческий акт есть освобождение и преодоление, выход, исход и победа. Совершая свои героические усилия, поэзия тем самым сообщает некую труднопонимаемую таинственную энергию социуму, и, видимо, как раз в этом смысле М. Хайдеггер и называет ее несущей основой Истории. От поэта требуется слышать неслышимое, равно как и видеть невидимое. Поэзия демонстрирует свою неизбежность, иначе говоря, невозможность сказать что-то другим способом, помимо поэтического. Поэзия, разумеется, участвует в разговоре, потому что для поэта необыкновенно важно быть услышанным во что бы то ни стало. Но, несмотря на все сказанное, поэзия — это игра, веселое самозабвенное слушание ритма, внутренней музыки и т. д.

Сравнение позиций Аристотеля и М. Хайдеггера выявляет их различие, заключающееся в отходе поэзии от принципа мимесиса: она более не стремится подражать реальности, но претендует на креацию неких важнейших оснований человеческого мира, на конструирование символического универсума. Повышение социальной и антропологической значимости поэзии коренным образом изменяет поэтическое мышление и поэтическую деятельность и приводит к формированию новых эстетических принципов. Так, изучение современных культурных паттернов свидетельствует о формировании новой разновидности поэтической деятельности, которая оказывается гораздо шире привычных рамок поэтического текста. Эта новая поэтическая деятельность, по сути дела, становится социальным действием и социальным взаимодействием. Социуму необходимо менять вербальные практики и характер восприятия реальности, и в этом неоценимую роль ему оказывает поэзия. Т. С. Элиот (который, кстати сказать, выступал за суверенность поэзии против позитивистски понимаемой ее «полезности») пишет об этом в своем эссе «Социальное назначение поэзии» [14, *121–138*].

В последнее время много говорится о геопоэтике (хотя порой в весьма узком контексте). Понятие «геопоэтика» приобретает черты понятия сферы социально-гуманитарного знания: им обозначаются различные творческие способы взаимодействия человека с географическим пространством, с территориями и ландшафтами. Помимо геопоэтики, считает автор, в начале XXI в. формируется множество новых поэтик, связанных с коренным изменением отношения человека к окружающему миру и к себе самому. Эти поэтики, активно участвующие в формировании новой социальности, еще недостаточно артикулированы и вследствие этого недостаточно теоретически осмыслены. В ряду таких поэтик мы выделяем геопоэтику, цифровую поэтику, зоопоэтику, коммуникационную поэтику.

Возникает вопрос: действительно ли речь в данном случае идет о разных модусах поэтического, а не о каких-то иных разновидностях современной деятельности? Думается, что на этот вопрос можно ответить утвердительно, потому что во всех этих случаях мы видим дистанцирование от обыденности или выпадение из нее; видим то, что создает высокое напряжение, момент праздника и новизны, момент выхода из состояния, которое можно охарактеризовать как банальное, скучное, заранее понятное, обыденное, серое. В «прото-поэтиках» мы часто можем зафиксировать некие аналоги хорошо нам известных тропов:

метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, дисфемизма, литоты, персонификации, оксюморона и др. «Прото-поэтики», безусловно, тяготеют к складности, соразмерности и особой упорядоченности. Если же говорить о социальных предпосылках развития поэтической деятельности вне рамок поэтического текста, то они соответствуют логике дерутинизации постфордистского общества.

Прото-поэтический статус вышеназванных культурных феноменов обусловлен тем, что они далеко не всегда связаны с текстом (в отличие от классического понимания поэтики). Геопоэтика зачастую понимается ее приверженцами в качестве специфической проектной деятельности или же набора особых практик, в ходе которых меняется отношение человека к пространству. Цифровая поэтика связана с трансформацией человеческого существования на всех уровнях: экзистенциальном, культурном, социальном и т. д. Зоопоэтика предстает в качестве поля синергийного взаимодействия человека и животных, которое чревато неожиданными поэтическими открытиями. Коммуникационная поэтика, частично пересекаясь с поэтикой цифровой, имеет ряд специфических проявлений в коллективных действиях, коллективном творчестве, различных проявлениях художественного активизма. Специфической особенностью геопоэтики, зоопоэтики, цифровой и коммуникационных поэтик является их несистемность, слабая артикулированность и стремление к актуализации важных потенциальных возможностей.

Геопоэтика в понимании Кеннета Уайта не является ни школой, ни верой, но это пространство, территория, движение, ход, походка, поступок [4]. В «Странствующем духе» Кеннет Уайт пишет, что с самого начала письмо, словотворчество были для него неразрывно связаны с вышагиванием, ходьбой. Это мыслилось как движение вперед, к незнаемым, неописанным, неназванным пространствам; движение, сопровождаемое называнием всего, проникшего в сознание. Движение, нацеленное на преодоление тесных рамок, густозаселенных душных пространств; открытие новых территорий, накапливание новых впечатлений, подтверждающих правильность, неотвратимость твоего продвижения вперед — к пустоте-как-свободе, к внутренней благодатной тишине-наполненности, а потом — к поэзии [12, *56*]. В эссе «Дикие лебеди» Кеннет Уайт описывает путешествие-хокку. Например, для Басе путешествие было не просто прохождением определенного количества километров, но раздвижением границ духа. И если в наиболее архаичных формах буддизма поэзия считалась занятием мирским, чтобы не сказать легкомысленным, то в этом случае она сама становилась путем [11, *191*].

В нашей стране геопоэтику развивает Игорь Сид, трактуя ее в качестве проектной деятельности, направленной на создание и изменение различных территориальных мифов. Однако в вышедших сборниках по геопоэтике мы находим различные ее трактовки. Одно их перечисление заняло бы слишком много места. Так, Зиновий Зиник, развивая идею геопоэтики, пишет, что у каждого из нас с детства вырисовывается в уме внутренняя картография, некая сетка параллелей и меридианов с центром в нашем родном доме, в нашей квартире. Это уже не география, а биография, внутренняя карта [5].

Можно рассматривать геопоэтику в рамках движения New Age, где культивируется особое эколого-мистическое отношение к планете Земля, к ее ландшафтам

и территориям. Однако мы вполне можем представить себе, скажем, православную геопоэтику, базирующуюся на идее мета-антропологического долга перед природой, освобождения ее от «рабства тлению» (святоотеческая литература пишет о том, что мир, как «антропосфера», следует за человеком и от нас зависит богохульствует он или же молится [7, *242*]).

Представляется, что близки к геопоэтике лэнд-арт (ландшафт-искусство) и паблик-арт (искусство в городской среде). Здесь мы можем наблюдать метафоры особого рода. Часто это гиперболы, заданные колоссальными размерами объектов (например, у Христо — Рейхстаг, обернутый в серебристую ткань). Геопоэтичны, по нашему мнению, многие психогеографические практики (психогеография предполагает изменение сознания, в результате которого повседневные маршруты становятся удивительным, непредсказуемым и опасным путешествием, испытывающем героя). Здесь можно упомянуть «дрейф» как медитативную технику передвижения по городу, где важно отрешиться от обычных мотивов такого передвижения, что, по мнению психогеографов, позволяет преодолеть «угнетение средой». Отметим также «обновленную картографию», которая призвана была задокументировать взаимоотношения со средой, а на более абстрактно-поэтическом уровне — желания и чувства. В «обновленной картографии» мы можем наблюдать перифраз, аллегорию, персонификацию, пафос и другие тропы.

Настоящее время — это время формирования цифровой поэтики. Анализируя работы по цифровому искусству и теории софт-культуры, мы видим, что сетевые сообщества позволяют разнообразным творческим сообществам совершенствовать правила существования в культуре. Блоги развивают искусство создания в результате онлайн-коммуникаций «социальных портретов» при помощи языковых и визуальных игр [9, *243–245*]. Социальный компьютинг и новая культурная аналитика, позволяя анализировать большие потоки и массивы культурных данных, создают совершенно новое восприятие социума и культуры [8, *181–200*]. Компьютерно-цифровые технологии создают возможность индивидуального и группового поэтического дистанцирования от обыденности с помощью передовых программ и алгоритмов.

Зоопоэтика развивается в настоящее время по нескольким направлениям, на которые, несомненно, оказала влияние философия биоцентризма и отрицания «видовой дискриминации». В этой связи следует упомянуть различные проекты, изучающие творчество животных (скажем, AnimalsArt), которые правильнее было бы, наверное, охарактеризовать как проекты, в которых так или иначе мы имеем дело с сотворчеством человека и животных. Скажем и о различных современных культурных играх с тотемами. Игорь Сид пишет, что тотем отныне не передается человеку по наследству, а подбирается им себе самостоятельно, исходя из собственных внутренних задач [10]. По нашему мнению, «зоогогика» Даниила Андреева, Партия животных Олега Кулика, Движение за освобождение животных, возникшее на Западе в 1960–1970-х гг., могут быть рассмотрены и поняты в ключе необычной, нестандартной поэтики.

Развитие новых форм коммуникации, творческого общения, коллективных действий формирует новую коммуникационную поэтику, где осуществляется

перевод текста с языка моего Я на язык твоего Ты (коды участников коммуникации образуют пересекающиеся множества). Блоги и онлайн-форумы создают совершенно новые условия для формирования своей идентичности, формулирования своего мнения. Возникают совершенно новые коммуникативные паттерны, которые свидетельствуют о том, что общение, коммуникация могут выступать в жизни человека в качестве особой поэзии, несущей социальную новизну и высокое напряжение. Сетевое общение совершенно по-новому определяет границы между личным и коллективным, личным и общественным, и это тоже создает моменты невиданной ранее коммуникативной поэтики.

Думается, что прото-поэтики вносят свой необходимый вклад в формирование новой социальности с ее глобальной гипермобильностью, полиэкранностью, релятивностью и ориентацией на сложные формы идентичности и конфигуративное Я. Новая социальность, по всей видимости, выступит как среда, где будут востребованы не только различные виды рациональности, но и различные виды чувственности.

---

1. *Аристотель.* Поэтика. СПб., 2008.
2. *Бычков В. В.* Русская теургическая эстетика. М., 2007.
3. *Гилен П.* Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм. М., 2015.
4. *Голованов Г., Гринева В.* Геопоэтика Кеннета Уайта. Фрагменты переводов [Электронный ресурс]. URL: http://liter-net.1gb.ru/geopoetics/golov.html (дата обращения: 20.05.2018).
5. *Зиник З.* Две географии [Электронный ресурс]. URL: http://moscowartmagazine.com/issue/59/article/1205 (дата обращения: 20.05.2018).
6. *Лелеко В. Д.* Эстетизация повседневной жизни постмодерна и эстетика повседневности // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века : материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 10 окт. 2001). СПб., 2001.
7. *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
8. *Манович Л.* Теории софт-культуры. Нижний Новгород, 2017.
9. *Пол К.* Цифровое искусство. М., 2017.
10. *Сид И.* Тотемократия в русской литературе [Электронный ресурс]. URL: http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Totemokratiya-v-russkoj-literature (дата обращения: 20.05.2018).
11. *Уайт К.* Дикие лебеди. Путешествие-хокку // Дружба народов. 2009. № 4.
12. *Уайт К.* Странствующий дух // Новая Юность. 1997. № 5–6. С. 55–56.
13. *Хайдеггер М.* Гельдерлин и сущность поэзии // Логос : филос.-лит. журн. Вып. 1. М., 1991.
14. *Элиот Т. С.* Назначение поэзии. Киев ; М., 1997.
15. *Эпштейн. М. Н.* Новый век: смена парадигм [Электронный ресурс]. URL: https://snob.ru/profile/27356/blog/133179 (дата обращения: 20.05.2018).
16. *Эпштейн М. Н.* От знания — к творчеству: Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб., 2016.

Рукопись поступила в редакцию 30 мая 2018 г.